

Александр родился проповедником. Когда медсестра положила на грудь маме, измученной родовой пыткой, маленькое фиолетовое тельце, никто даже не подозревал о столь замечательных способностях новорожденного. Дар проявился у Александра гораздо позже, за порогом третьего десятилетия жизни. Он сам, поначалу с удивлением, а затем с восторгом наблюдал, как тонкий стебелёк таланта пробивает засохшую грязь повседневности, как набухает бутон, заполняются свежим соком молодые листья, и вот, наконец, распускается прекрасный цветок, являя миру великолепие своей причудливой многоцветности.

Надо признать, что дар Александра нравился вовсе не всем. Были и такие, на кого проповедь действовала прямо противоположным образом. Выслушав несколько фраз или умозаключений, они начинали возмущаться, а затем багроветь, словно желая составить конкуренцию мулете в руках тореадора. У других, поспокойнее, лоб покрывала испарина, но щеки шли красными пятнами, точно жилетка того же тореадора, после того, как его подцепил на рога взбесившийся от боли бык.

Что ни говори, но равнодушными Александр никого не оставлял. Ловко у него получалось: одно предложение цеплялось за другое, второе тянулось к третьему, третье привлекало четвёртое, а то, в свою очередь, шло навстречу первому. Говорящий Александр напоминал фокусника, тянущего из, казалось бы, совершенно пустой шляпы, бесконечную цветную ленту. Поводом для нравоучения могло послужить что угодно: любую безделку, извлечённую из пыли под ногами равнодушных прохожих, дар проповедника мгновенно обращал в сияющий гранями алмаз.

– Жаркий сегодня день! – наивно замечал толстяк в автобусе, безуспешно обмахиваясь газеткой.

– То ли ещё будет! – в тон ему отвечал Александр.

– Вы слышали прогноз? – тревожился толстяк. – Обещают потепление?

– Прогноз, как прогноз, – хмыкал набирающий обороты проповедник, – а что будет дальше, ещё дальше. Об этом вы не беспокоитесь?

– Что вы имеете в виду? – вопрошал озадаченный толстяк.

– Вашу будущую жизнь, – слова втыкались в размякшее тело, словно боксёрская перчатка в грушу. – О ней, единственной и неповторимой, вечной и нескончаемой жизни вы подумали?

– То есть, как? – от неожиданности газетка замирала и на

Александра выкатывались два изумленных глаза. – А при чём здесь жара?

– Ещё как причём, – хитро улыбался Александр и начинал разворачивать перед собеседником такие перспективы будущих страданий на раскалённых сковородках и в котлах с кипящей смолой, что тот, словно ошпаренный, выскакивал на первой же остановке.

Или, к примеру, день рождения у сотрудника. Шумное застолье, тосты, уже раздвигают кресла, чтобы, облапив друг дружку, раскачиваться под томные звуки, льющиеся из динамиков, и тут кто-то случайно проливает на соседа или скатерть немного кока-колы. Ни пострадавший, ни тем более, подсудимый не обращают на случившееся никакого внимания. Однако Александр тут же вытаскивает из глубины пенящейся колы почти утонувшую жемчужину и начинает сладостный процесс её представления собравшимся.

– Ты что? – вопрошает он виновника, ещё не догадавшегося, что стал подсудимым. – Не видишь, из бокала капает!

– Ох, – запоздало спохватывается подсудимый. – И в самом деле. Извини, друг.

Он хватает салфетку или достает носовой платок и, неуклюже вода пьяными руками, пытается умалить нанесённый ущерб.

– Да-а-а, – со значением произносит Александр. – Вот так и живет большинство людей. Не думая, не замечая, на бегу и во сне.

– Ты уж реши, – дешево покупается подсудимый, – на бегу или во сне. Сначала сам определись, а потом другим объясняй.

– Вот в том-то то и проблема, – веско произносит Александр. – И на бегу – то есть, не давая себе труда задуматься, остановиться, поглядеть на окружающих, на их заботы, нужды, чаяния. И одновременно во сне – ничего не замечая вокруг себя, сосредоточившись лишь на своём представлении о мире, оторванном от живой, подлинной реальности. Это маленькое пятно, – Александр вздымает указующий перст и направляет его в сторону перепачканной одежды или скатерти, – след большой проблемы, возможно, главной проблемы каждого из нас.

Гости пытаются смять разговор и продолжить веселье, но не тут-то было – Александр крепко держит жертву. Голос проповедника набирает силу: образы, сравнения, упрёки, призывы и угрозы льются из него, словно вода через плотину во время паводка. Прекратить этот поток можно двумя способами: покорно склонить голову и пропустить над собой волну, дождавшись, пока источник иссякнет сам по себе или вступить в пререкания, объясняя разохотившемуся проповеднику, что его нравоучения излишни.

Первый способ был, конечно, позорнее, но вернее. Риторические удары вязли в покорности и бессловии, а вот возражения лишь

распаляли Александра. Случалось, доходило и до драки. Жена Ира, многотерпеливая праведница, покорно сносящая приливы мужниного красноречия, лишь сокрушённо вздыхала, горестно поджимая губы, когда супруг заявлялся с разбитым носом или багровеющим глазом.

– Ох, Сашка, Сашка, доведет тебя страсть читать людям морали до самого цугундера.

Что такое цугундер Ира толком не могла объяснить, но тон, с которым произносилось слово, не обещал ничего хорошего. Однако на увещевания жены Александр не отзывался: упреки отражались от жесткой поверхности дарования, точно солнечные лучи от глади зеркала. Когда талант подрос и окреп, его обладатель успел, методом проб и ошибок, выучить основные реакции увещеваемых объектов и научился шпажной остроты выпадами отвечать на возражения. Наивные бедолаги, вступая в спор с проповедником, не подозревали, что на каждый их возмущенный выкрик он успел заготовить несколько ответов и с нетерпением ждёт прекословий, ласково поглаживая наточенные до зеркального блеска клинки.

Только один раз обрабатываемая сторона смогла загнать Александра в тупик. Причем небрежно, одним взмахом рогов. Раз – и тореадор с дурацкой улыбкой на побелевших губах вылетел прочь за ограждение, а бык гордо замер в центре арены, презрительно кося налитыми кровью глазами на робко приближающихся пикадоров. Случай стоит того, чтобы рассказать о нём подробнее.

У Александра был одноклассник, литератор по имени Мишка. В школе они не дружили, но особенно и не дрались. С годами, когда детские обиды подернулись радужной завесой умиления и прошлое стало казаться почти идеальным, отношения между одноклассниками заметно потеплели. Встречаясь на улице, они подолгу разговаривали, то и дело вставляя «а помнишь», «ты слышал про», «никогда бы не подумал». Темы разговоров, разумеется, крутились вокруг судеб бывших одноклассников. Дальше стояния на улице дело не шло, ни одному из собеседников не пришло в голову пригласить визави домой или перенести встречу за столик кафе. Кроме прошлого, их ничто не связывало, Александр мало интересовался литературой, а Мишке даже в голову не приходило спрашивать о проблемах завода, на котором он работал.

Поговорить о литературе, в общем-то, можно было бы, но Александр опасался касаться этой темы. Кто-то когда-то объяснил ему, что Мишка графоман-неудачник, и он страшился неумелым вопросом задеть приятеля, а главное, нечаянно открыть шлюзы его рассказов о себе и своём творчестве.

В довершение списка достоинств и недостатков, Мишка уродился страстным ловеласом. С каждой встречей он всё больше и больше

приоткрывал Александру эту теневую сторону своей жизни, пока не стал напрямую рассказывать о похождениях.

Женщины мало интересовали проповедника. Нет, при случае он готов был бы и согрешить, изменив Ире с какой-нибудь хорошенькой блондинкой, но как-то так получилось, что блондинки и сопутствующие греху обстоятельства располагались далеко от линии его судьбы, а прилагать специальные усилия не хотелось. Он молча выслушивал победные релизы Мишки и старался перевести разговор на другую тему.

С осознанием таланта всё изменилось. Теперь литература представлялась Александру чудесным садом, на котором растут деревья, унизанные сверкающими гроздьями риторических жемчужин. Прогулка по такому саду сулила превратиться в захватывающее приключение. А уж тема греха и супружеской измены... о-го-го, разве можно отыскать лучший лейтмотив для проповеди! Александр с нетерпением ожидал встречи со школьным приятелем, но тот, как назло, точно сквозь землю провалился. Прошло больше года, прежде чем Александр услышал знакомый голос.

– Привет, Сашок! – Мишка стоял на ступеньках, ведущих к чудом уцелевшему кинотеатру. Когда-то в их городе можно было насчитать десятка два киношек, но видеотехника и компьютеры нанесли этому роду бизнеса смертельный удар. Выжили три-четыре кинотеатра, остальные давно закрылись, рухнув под напором пиратского распространения фильмов через мировую паутину.

Мишка походил на белого негра: вывороченные губы, кудлатые волосы, приплюснутый нос. То ли природа распорядилась столь причудливым образом, то ли среди Мишкиных предков оказался африканец и взыгравший через десятки поколений рецессивный ген сыграл с ним странную шутку. Возможно, ловеласовские успехи Мишки объяснялись его необычной внешностью, придававшей литератору особую импозантность.

– Привет, привет! – Александр радостно поспешил навстречу приятелю. – Как дела, что нового? Как продвигается творческий процесс?

Мишка посмотрел на Александра с нескрываемым удивлением. Такой вопрос он слышал от него впервые.

– Процесс, как ты понимаешь, идёт, – ответил он и тут же пустился в цветистое описание своих литературных удач. Закончив с удачами, Мишка без перерыва перешёл на происки завистников, оседлавших крупные издательства, тупость критиков, подлость собратьев по перу. Шлюз его красноречия распахнулся с такими лёгкостью и быстротой, что Александр, спустя десять минут монолога, начал опасаться, не совершил ли он роковую ошибку, коснувшись

опасной темы. Он напряженно искал способ остановить разговорившегося приятеля, пока не нашёл безошибочный – так ему показалось – манёвр, позволяющий не только закрыть ворота шлюза, но и начать проповедь.

Во время страстно произносимого монолога глаза Мишки жили отдельной жизнью. Он не смотрел, как можно было бы ожидать, в лицо собеседнику, буравя взглядом, по совету психологов, середину его лба, а с нескрываемой похотью провожал взором каждую проходящую мимо мало-мальски симпатичную особу противоположного пола.

Молодые женщины в легких развевающихся платьях, девушки в обтягивающих джинсах, дамы в солидной синтетике поднимались и опускались по лестнице мимо Мишки, предоставляя ему возможность заглядывать сверху за низкий вырез на груди или посматривать снизу на стройные ножки. Глаза Мишки бегали то влево – вверх, то вправо – вниз, словно маятник, а голова дёргалась вслед за глазами.

План проповеди возник в мозгу Александра мгновенно, словно высвеченный вспышкой молнии, а спустя минуту стройное здание нравоучения предстало перед его мысленным взором, очищенным от строительных лесов. Оставалось только заставить умолкнуть неугомонно треплющегося Мишку. Самым простым и действенным способом было лобовое нападение. В ту секунду, когда Мишка переводил дух после особенно страстного восклицания о кознях и происках, Александр нанёс удар.

– Я ничего не могу понять! – сказал он, глядя прямо в лицо собеседнику. – Просто ни одного слова.

– Ты чего, внезапно оглох? – удивился Мишка. – Или русский язык позабыл?

Расчёт Александра оказался верным – фонтан красноречия резко пошел на убыль.

– Ты говоришь одно, а думаешь о другом. Поэтому и слова твои сумбурны.

– Сумбурны – это хорошо, – Мишка радостно потёр руки. – Творческие натуры никогда не отличались упорядоченностью мыслей и ровным темпераментом. С такими качествами можно на заводе напильником махать или рубить свинину в лавке. А чтобы творить, – тут он сделал рукой неопределенный жест, долженствующий подтвердить сложность сего деяния, а также возвышенность, избранность и неординарность его исполнителя. – Чтобы творить, надо иметь особый глаз, особый нюх, особый слух, особый склад мыслей, который обыкновенным людям кажется сумбурным.

Победоносно взглянув на Александра, он уже потянулся к ручке управления струёй, намереваясь передвинуть её в положение максимального фонтанирования, но опытный проповедник резким

выпадом упредил этот жест.

– Ты говоришь о духовности, о высоком служении литературе, а твой нос не вылезает из-под женских юбок.

Мишка картинным жестом схватил себя на нос и вскричал:

– О мой нос! О мой дивный, мой замечательный, мой любимый нос! Как я завидую тебе! Я бы хотел целиком, всем своим телом, от кепки до кроссовок оказаться там, где ты сейчас пребываешь.

– Ты никогда не носил кепку, – иронически заметил проповедник, сбивая пафос.

– Ну, это образ, – нимало не смущаясь, парировал Мишка. – Художественный образ, неужели непонятно?

– Всё понятно, – сказал Александр. – Ты мне заливаешь про духовность творческой личности, а на самом деле мечтаешь о самке. И не просто о самке, а множестве самок. Ты не творческая личность, а обыкновенный бычок-производитель.

– Глупости говоришь, – поморщился Мишка. – Даже спорить не хочется, настолько примитивно и плоско мыслишь.

– Докажи, – коротко потребовал Александр

– Да на раз, – отозвался Мишка, ведя глазами толстушку в мини-юбке. – А ножки у неё что надо, а? Смачные, аппетитные. Так бы и впился зубами.

Мишка зажмурился от вожделения.

– А животик, наверное, ещё упругий, – продолжил он, раскрыв глаза. – Натянутый, пружинистый такой животик!

– Доказывай, – повторил Александр. Он был уверен, что Мишка просто уваливает от ответа.

– Да на раз, на раз, – Мишка с явным сожалением оторвался от филейных прелестей удалявшейся толстушки.

– Про царя Соломона слышал? Слышал, конечно, кто про него не слышал. Считается самым мудрым человеком на свете и большим праведником, между прочим. Согласен?

– Согласен, – подтвердил Александр. С этим утверждением спорить не имело смысла. Из своей практики он знал, что противники часто начинали спор с казалось бы бесспорных доводов, а затем подтягивали к ним своё собственное продолжение, которое легко можно отшелушить от начала и без труда опровергнуть. Он ждал от Мишки чего-то подобного, но тот вдруг увёл линию в неожиданную сторону.

– Так вот, уважаемый, – продолжил Мишка, лоя взглядом поднимающуюся по лестнице блондинку в узкой кремовой кофточке, плотно облегающей молодые груди. – У царя Соломона, которого ты, я надеюсь, не рискнёшь назвать бычком-производителем, у этого праведника и мудреца было, к твоему сведению, около тысячи жён, и

никто толком не знает, сколько тысяч наложниц. И все эти жёны и наложницы вовсе не помешали ему оставаться мудрецом и праведником. То есть дело вовсе не в женщинах, а в чём-то ином. Понял, да?

– Эка хватил, – попытался возразить Александр, – где ты, а где царь Соломон.

– И вовсе не хватил, – с неожиданной яростью отозвался Мишка. – Никакой принципиальной разницы между мной и Соломоном нет. Он писал тексты, и я пишу тексты. Он любил женщин, и я люблю женщин. А различие во временах и обычаях чисто условное. Если бы нам довелось встретиться, то, уверяю тебя, мы бы моментально нашли общий язык.

– Глупости говоришь, – рассердился Александр. – Что позволено Юпитеру, не позволено быку. Даже производителю. Царь Соломон был великий писатель, а ты кто? Чем ты можешь похвастаться?

– Во-первых, никто не знает, кто из нас более велик, – не краснея, парировал Мишка. – Время покажет. Лет через сто после моей смерти можно будет сравнить и оценить. А во-вторых, пусть даже он в два раза талантливее меня, даже в три, даже в пять, – он разухабисто махнул рукой, словно бросая о землю воображаемую кепку. – В десять раз талантливей. С такой оценкой ты согласен?

– Согласен, – подтвердил Александр. Разница в десять раз позволяла сделать в ходе спора далеко идущие выводы.

– Тогда давай подсчитаем, – предложил Мишка. – Ты ведь инженер, считать умеешь, в отличие от нас, литераторов. У царя была тысяча жён, значит, мне полагается в десять раз меньше. Итого – сто. Слышишь – сто жён. Плюс десять процентов от двух тысяч наложниц – итого ещё двести. Всего сколько получается? Правильно, триста женщин. А я со всем своим кобелированием не нарисовал на фюзеляже даже сорока звездочек. Так, жалкие тридцать семь. Когда же я достигну причитающихся мне трёхсот любовниц и жён? Скажи мне, когда, когда?!

И как ни пытался Александр перевести разговор на неправомерность сравнения, о невозможности поверить алгеброй гармонию, Мишка только посмеивался и повторял.

– Двести шестьдесят три, двести шестьдесят три.

С какой стороны ни пытался Александр пробить эту скорлупу похоти, ничего не удавалось. В тот день он потерпел поражение и, вернувшись домой, долго размышлял, чем надо было ответить и в какую сторону повернуть спор. Размышления заняли не один день, но в конце концов, Александр нащупал слабое звено.

В разговоре с Мишкой его подвела культура. Да-да, именно она. До сих пор, обмениваясь с очередным собеседником сериями

логических выпадов, Александр всегда отыскивал под тонким слоем цинизма или напускного безразличия твёрдую почву общих понятий. Человек должен творить добро, помогать ближнему, не обижать других людей, не красть, не убивать, хранить верность жене, любить родину, уважать старших. Именно на эти крючки он и набрасывал аркан проповеди, за них цеплял брыкающегося спорщика и, затянув узел, тащил в нужную сторону.

С Мишкой Александр впервые почувствовал, как колыхнется твёрдая почва этих, казалось бы, незыблемых понятий. Стоило сойти с тропинки, вымощенной краугольными камнями культуры, как под ногами тут же начинала колыхаться плёночка, отделяющая относительный порядок бытия от зловонной трясины хаоса.

Надо было отыскать нечто беспрекословно неизменное, не связанное с моралью и лежащее вне искусственных рамок этики. Перебрав все грани человеческого существования, Александр нашёл единый знаменатель – смерть.

Смерть задевала всех, каждый человек задумывался о ней, пытаясь понять, что же ждёт его там. От смерти нельзя было ни отшутиться, ни сделать вид, будто её не существует. Против неизбежной угрозы не помогал цинизм или отведённые в сторону глаза. Она всегда была рядом, на расстоянии вытянутой руки, поджидая человека в любую секунду, хоть в самую ближайшую, вот эту самую, следующую прямо за разговором.

Страшила не только смерть, но и предшествующие страдания. Муки болезни, страх перед удушьем, жуткое ощущение от льющейся в горло воды или безжалостного внедрения вминаемого ударом автомобильного железа. Что чувствует человек в самолёте, падающем с высоты нескольких тысяч метров? Как проходят бесконечно долгие три-четыре минуты, отделяющие его от последнего соприкосновения с землёй? А боль от пламени, ожог, поражающий тело, запертое на высоком этаже, когда лифты не работают, а на лестничной клетке уже полыхает огонь. Или лучше ломануть раму и броситься головой вниз, сквозь холодящий раны воздух?

Александр с жадностью коллекционера собирал описания несчастных случаев и катастроф, ведь нельзя знать, какая именно смерть ожидает его за поворотом? Для начала проповеди он использовал гибель поэффектней и когда подавленный собеседник впадал в размышления, инстинктивно примеряя на себя услышанное, Александр начинал рассказывать о смерти праведников.

Поцелуй Бога – вот как называлась их кончина. Наклонился понюхать цветок и упал уже мёртвым. Лёг спать в полном здравии и радости, и не проснулся. Сел на стул после молитвы, чтобы перевести дух, да так и замер навечно, от незримого прикосновения губ

Всевышнего.

Обещание лёгкой смерти действовало на всех. Ошеломив, застращав и обнадежив, Александр принимался аккуратно тащить из мешка цветную ленту проповеди.

Так и текла жизнь: крапчатая, пёстрая, наполненная до предела сладкими секундами и горькими часами, то холодно-острая, то монотонная, а то вдруг мчащаяся через ухабы, единственная неповторимая сладкая жизнь.

На беду Александра, городское управление решило модернизировать перекрёсток неподалеку от его дома. Перекрёсток строился ещё до массового наплыва автомобилей и с годами превратился в сплошную пробку. Пробриться через него без долгого ожидания можно было только глубокой ночью.

Проклятия рассерженных водителей потихоньку копились в каком-то небесном хранилище, пока не перевалили через некий предел, после которого ангелы-вершители спустились во сне к мэру города и нашептали ему замечательную идею благоустройства вверенной территории. От идеи до конкретных чертежей и утверждения сметы прошло несколько лет, но вот все препятствия были преодолены и бульдозеры двинулись в путь.

Перекрёсток немилосердно разрыли. Транспортные потоки планировалось пустить на двух уровнях, один в открытом тоннеле, а второй по мосту над ним. Строительство предполагалось закончить за год, но, как и следовало ожидать, оно растянулось на куда больший срок. Проклятия рассерженных водителей, пробивающихся уже не просто через пробку, а пробку посреди стройки, сотрясали небеса и, возможно, именно они и привели нашу историю к столь печальному концу. Никогда нельзя знать, на кого ляжет чёрным платком самое, казалось бы, безобидное чертыханье.

Пешеходам на перекрёстке тоже пришлось туго: вместо привычной «зебры» им приходилось карабкаться на временные мостики. Пятнадцать ступенек вверх, пятнадцать вниз – сущая морока. И хоть плакаты строжайше приказывали пересекать проезжую часть только по этим мостикам, большинство пешеходов норовило проскользнуть между машинами. Черепаший темп движения делал такой переход довольно безопасным и на грозный тон плакатов постепенно перестали обращать внимание.

Александр проходил через перекрёсток минимум два раза в день: утром по дороге на работу и возвращаясь домой. А если нужно было в супер или в другой магазинчик торгового центра – ещё два раза. На эти же дурацкие мостики он сроду не хаживал.

В тот день Александра крепко тормознули на службе. Цех оснастки завершал сборку сложного приспособления,

спроектированного Александром, и у сборщиков то и дело возникали вопросы. И хоть он уже пятнадцать раз всё объяснил, нарисовал, спел и сплясал бригадиру сборщиков, но шеф Александра всё ж таки попросил его задержаться после работы и посмотреть, как во вторую смену закончат сборку.

Закончили её довольно поздно, часам к десяти и пока Александр добрался до дому, часы показывали начало двенадцатого.

Перекрёсток он давно включил в понятие «дом», ведь от него до дверей квартиры было ровно шесть минут ходьбы быстрым шагом. Сто раз измеренная, знакомая до мельчайшего горбика дорожка. Р-р-раз – и вот уже распахивается дверь, и тепло пахнет уютом, женскими духами, негромко мурлычет домашний зверёк нашего века – телевизор – и жена, улыбаясь, спрашивает:

– Что, Сашка, опять к любовнице завернул, признавайся!

Тоннель, освещенный прожекторами, был пуст. Александр подошел к обочине, но переходить не стал, а остановился и прислушался. Он находился примерно в середине огромной дуги из бетона там, где она достигала нижней точки, и поэтому не видел, есть ли автомобиль на подъезде. Днем это не имело значения, весь тоннель представлял собой сплошную вереницу по-черепашьи ползущих машин, однако ночью, когда бетонное ложе пустовало, он мог только по слуху установить, приближается ли ошалелое транспортное средство. Ночью водители лихачили: скатываясь в тоннель, поддавали газу от всей души и стремительно взлетали к выходу.

Так и есть, сверху донеслось глухое рычание, словно там прятался хищный зверь или разозленный пикадорами бык. Александр на всякий случай отошёл в сторону, поближе к стенке. Её уже начали закрывать декоративными плитами, и арматура, готовая к сварке, торчала пучками чёрных шипов. Вдоль бордюра, прямо по проезжей части, важно прохаживались вороны, то и дело пробуя острыми клювами мусор.

Рёв усилился, стал оглушительным, и в тоннель ворвался грузовик. Чёрный, лакировано блестящий в свете фонарей, с бычьей мордой, нарисованной между фарами, он нёсся как-то боком, виляя и подпрыгивая. Вороны испуганно взметнулись и, недовольно галдя, уселись на балке перекрытия.

– Пьяный, зараза, – ругнулся Александр, отодвигаясь подальше от дороги. В спину ему уткнулись шипы арматуры, и он упёрся руками в стенку, чтобы не поцарапаться. Но расчет оказался неправильным: когда грузовик промчался в метре от Александра, воздушная волна насадила его на арматуру, словно бабочку на иголку препаратора.

Первые несколько секунд он ещё не понимал, что произошло. Вдруг перехватило дыхание, сердце стало большим и подкатило под

самое горло. Каждый его удар распирает грудную клетку. Александр захотел опустить голову, но тело не слушалось. Тогда он скосил глаза и с удивлением увидел торчащий из груди стальной прут. К его рифленой поверхности прилепились куски красного мяса, сочащегося кровью.

– Что за шампур? – успел подумать Александр, и тут пришла боль. Она была огромной и обжигающей, перекрыв все мысли, чувства, желания, мечты, обиды и память. То, что составляет человеческую личность, миг исчезло под электрическим валом этой боли.

Спустя несколько минут он очнулся и попытался позвать на помощь. Ему казалось, будто он громко кричит, но на самом деле из его горла вырывался едва слышный хрип. Александр кричал, обращаясь к миру, оставшемуся за огненной завесой боли, к тому ясному, привычному и удобному миру, в котором он совсем недавно находился. И мир отозвался на его призыв.

Сначала ему почудилось, будто рядом захлопали крылья, но через секунду он понял, что сверху доносится шелест шин.

– Автомобиль! – сообразил Александр. – Сейчас мне помогут.

Он скосил глаза. Это было очень больно. Даже такое минимальное движение давалось с трудом. Боль острыми клевками втыкалась в глазные яблоки, но он все-таки сумел разглядеть мелькнувшие наверху два жёлтых пятна.

– Фары, – с облегчением подумал Александр. Он хотел было вздохнуть поглубже, но не смог. Заскрипели тормоза, и прямо перед ним остановилась карета скорой помощи.

– Какая удача! – прошептал Александр. – Какое огромное везение!

Из кареты выскочили люди в белых халатах.

– Эх тебя угораздило, – воскликнул один из них, поправляя высокий белый колпак, похожий на поварской, но красным крестом и полумесяцем.

– Почему полумесяц? – удивился Александр. – Новая форма скорой помощи? Никогда такого не видел.

– Потерпи, браток, – весело произнес человек в колпаке. – Сейчас мы тебя снимем.

Он крепко схватил Александра за плечи и стащил с арматуры.

– Ерунда, – так же весело продолжил человек. – Пробило мышечные ткани только и делов. Два дня в больнице и снова, как новенький. Айда с нами.

Александр с трудом пошевелил застывшими руками.

– Пошли, пошли, – настаивал человек в колпаке. – Залезай в машину, поставим сейчас обезболивающий укол, вообще про всё позабудешь.

Александр полез в карету. Тело двигалось с трудом словно

отмороженное, но все-таки двигалось, послушно подчиняясь его воле. Боль почти не мешала, видимо нервы и кости действительно не были задеты.

– Слава Богу, – подумал Александр, присаживаясь на койку. – Слава Богу, жизнь продолжается. Это самое главное.

– Ложитесь, немедленно ложитесь, – строго приказала медсестра в коротком халатике. Ее круглые коленки, обтянутые капроновыми колготками, призывно и соблазнительно блестели перед его лицом.

– Укольчик, прямо сейчас, небольшой укольчик. Совсем не больно.

Александр молча улегся на спину, после только что пережитого укол в руку казался просто смешным. Мотор загудел, карета двинулась с места, и Александр почувствовал, как от укола по телу покатила прохладная успокаивающая волна, смывающая боль, усталость, раздражение. Когда волна достигла сердца, он счастливо улыбнулся и заснул.

Его тело с выклеванными глазами повисело на арматуре до утра. Редкие ночные водители при виде Александра судорожно давили на педаль акселератора и уносились вон из тоннеля, вместе с ужасом и страхом ощущая радость оттого, что их единственная и неповторимая, вечная и нескончаемая жизнь пока ещё продолжается.

Анна Соколова. Вечер на Cap Ferrat.
Бумага, смешанная техника, 50X70.